

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 1 (82). С. 109–118.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2024; 1 (82):109–118.

Научная статья
УДК 821.161.1-31.09«18»+821.163.41-1.09«18»
DOI 10.37724/RSU.2024.82.1.011

**Аксиология природы в контексте русского пути
и Косовского завета
(«Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского
и «Луч микрокосма» П. П. Негоша)**

Вукашин Гаврич

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
Москва, Россия
vukasingavric@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается значимость аксиологического подхода в исследовании художественного произведения, проводится комплексный компаративный анализ природы в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского и поэме «Луч микрокосма» П. П. Негоша. Оба писателя затрагивают и раскрывают специфику уникальности русского и сербского культурного кода. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые проводится компаративно-аксиологический анализ природы в творчестве русского и сербского писателей в контексте русского пути и Косовского завета. В результате предпринятого исследования устанавливается, что пейзаж в произведениях писателей служит средством приобщения персонажей к благодати Божией. Показано, каким образом в любимых персонажах Достоевского (Алеша и старец Зосима) прослеживается идея почвенничества. В картинах природы лаконично слиты земное и космическое. С ними неотъемлемо связан человек и человечество. Природа в «Братьях Карамазовых» Достоевского и «Луче микрокосма» Негоша является особым способом художественного осмысления реальности. Ей присуща функция сакрального характера, а эстетика обусловлена христоцентричным представлением о природе как о божественном творении.

Ключевые слова: аксиология природы, русский путь, «Братья Карамазовы» Достоевского, Косовский завет, «Луч микрокосма» Негоша.

Для цитирования: Гаврич В. Аксиология природы в контексте русского пути и Косовского завета («Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского и «Луч микрокосма» П. П. Негоша) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 1 (82). С. 109–118. DOI: 10.37724/RSU.2024.82.1.011.

Original article

**Axiology of nature in the context of the Russian path
and the Kosovo Testament
(F. M. Dostoevsky's *The Brothers Karamazov*
and P. P. Njegos's *The Ray of the Microcosm*)**

Vukashin Gavrich

State Institute of Russian Language named after A. S. Pushkin
Moscow, Russia
vukasingavric@yandex.ru

Abstract. The article examines the efficiency of the axiological approach to studying artistic works and conducts a comprehensive comparative analysis of nature in the novel *The Brothers Karamazov* by F. M. Dostoevsky and in the poem *The Ray of the Microcosm* by P. P. Njegos. Both authors touch upon and reveal the specifics of the uniqueness of the Russian and Serbian cultural codes. The scientific novelty of this study lies in the fact that it

is the first attempt to conduct a comparative axiological analysis of nature in the works of Russian and Serbian writers in the context of the Russian path and the Kosovo Testament. As a result of the research undertaken, it is established that the landscape in the works of writers serves as a means of introducing characters to the grace of God. It is shown how the idea of *pochvennichestvo* can be traced in Dostoevsky's favorite characters (Alyosha and the elder Zosima). In their poetic landscapes, the earthly and cosmic merge succinctly, and man and humanity are inextricably linked with them. Nature in *The Brothers Karamazov* and in *The Ray of the Microcosm* is a special way of artistic comprehension of reality. It has a sacred function, and its aesthetics are determined by the Christocentric idea of nature as a divine creation.

Keywords: axiology of nature, the Russian path, *The Brothers Karamazov* by Dostoevsky, Kosovo Testament, *The Ray of the Microcosm* by Njegos.

For citation: Gavrich V. Axiology of nature in the context of the Russian path and the Kosovo Testament (F. M. Dostoevsky's *The Brothers Karamazov* and P. P. Njegos's *The Ray of the Microcosm*). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2024; 1 (82):109–118. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2024.82.1.011.

Введение

Активное изучение художественного наследия Ф. М. Достоевского продолжается сегодня не только в мегаполисах — средоточиях крупных научных школ (например, регулярное проведение международной научной конференции «Достоевский и мировая культура» в музее Достоевского в Санкт-Петербурге, начиная с 1974 года; последняя по времени — 9–11 ноября 2023 года), но и в русской провинции; укажем только один пример из числа довольно многочисленных: ежегодное проведение международных Старорусских чтений «Достоевский и современность». В мировой достоевистике основное внимание исследователей сосредоточено на анализе человеческой природы, то есть на художественной антропологии.

В основе аксиологического подхода — исследование мировоззрения писателя, внимание к морально-нравственной системе ценностей, в том числе и его персонажей. Ряд ученых посвящают свои труды аксиологическому исследованию природы у Достоевского как божественного творения. К таким исследователям относятся С. Н. Дурьлин, Т. А. Касаткина, С. Г. Семенова, А. Г. Гачева, К. А. Баршт, Д. А. Богач, Т. Н. Созина, Р. Омацу, Б. Чжан и др.

С. Н. Дурьлин в статье «Пейзаж в произведениях Достоевского», утверждая: «Природа у Достоевского как бы вобрана человеком в себя. Вне человека ее остается немного», выступил с критикой исследователей, не придающих значения важности аксиологии природы в творчестве Достоевского [Дурьлин, 2009, с. 479]. Размышлениям Дурьлина близки взгляды Т. А. Касаткиной, которая в труде «О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа “реализма в высшем смысле”» уделяет особое внимание смысловому полю понятия «природа» и характеризует взаимоотношения человека с природой в христианском мирозерцании Достоевского. Именно в момент взаимодействия с человеком природа приобретает особый, сакральный смысл. В работе Касаткиной исследуется проблема «постоянной вины человека перед природой в творчестве писателя: постоянная память о вине человека перед землей и ее обитателями», с которой «вообще начинается христианская “историческая” память, ибо эта вина — грехопадения, отпадения от Бога, совершенного человеком» [Касаткина, 2006, с. 367–368].

С. Г. Семенова в своих работах анализирует взаимосвязь человека и природы в романах Достоевского, выражающуюся в двух корреспондирующих между собой проявлениях, из которых первое — «некая взаимосвязанная совокупность всего существующего, всей неживой и живой природы: камней, растений, животных, морских волн», а второе — «природа как вполне определенный порядок существования, стоящий на законе взаимной борьбы и пожирания» [Семенова, 1988, с. 96]. О том, что картины природы неслучайно даются писателем «в момент душевного возрождения героев», более того — «в момент их соприкосновения с Богом», пишет Б. Чжан [Чжан, 2007, с. 54]. Т. Н. Созина усматривает в картинах природы в романной поэтике Достоевского «функциональное проявление трогательного» [Созина, 2011, с. 56].

Нам представляются весьма перспективными взгляды японских славистов Кэнноске Накамуры и Рё Омацу на заявленную проблему. Первый в работе «Чувство жизни и смерти у Достоевского» выявляет специфику сложного, многосоставного взгляда персонажей писателя, воспринимающих природу: «...Ощущение природы, приносящее радость жизни (“соприкосно-

вение с природой”) и ощущение природы, основывающееся на принципе “дважды два = четыре” и вызывающее нестерпимое уныние, — оба они противостоят друг другу, но не находятся в строго определенном отношении, а постоянно смешиваются и спутываются, взаимозаменяются друг другом» [Накамура, 1997, с. 23]. Второй в статье «Люди и животные в произведениях Ф. М. Достоевского: критика антропоцентризма Достоевского по отношению к природному миру» указывает на то, что автора романа «Братья Карамазовы» в высшей степени волновали проблемы отчуждения человека от природы. При этом «проблема жестокого обращения с животными — критический взгляд Достоевского на современную цивилизацию» [Омацу, 2006, с. 290].

Д. А. Богач в своей кандидатской диссертации «Аксиология природы в мировоззренческом и творческом опыте Ф. М. Достоевского» обращает внимание на то, что природа в творческом наследии писателя является продуктом его мировоззрения, неоспоримой ценностью, позволяющей наиболее полно раскрыть сложный внутренний мир персонажей. Через исследование аксиологии природы высвечивается особый характер сознания как самого Достоевского, так и героев его произведений (в частности, романа «Братья Карамазовы») [Богач, 2017, с. 30].

Изучению аксиологии природы в поэмах П. П. Негоша (1813–1851) посвятили внимание такие сербские исследователи, как И. Секулич, М. Ломпар, Н. Велимирович, Ж. Видович, С. Томович и др. М. Ракочевич в 1940 году опубликовал книгу «Черногорский Прометей», уже в самом названии охарактеризовав поэта как сербского Прометея, так как именно благодаря трилогии Негоша («Луч микрокосма», «Горный венец» и «Самозванец Степан Малый») сербская литература начала активное проникновение в западноевропейскую и мировую.

Известный французский философ-экзистенциалист Габриэль Марсель в большой статье, опубликованной в 1970 году в одной из центральных французских газет «Фигаро», подчеркнул «национальный, христианский и космический дух» в произведениях Негоша «Луч микрокосма» и «Горный венец» и указал их в числе «тех великих произведений [мировой литературы], перевод которых на французский язык желателен» [Marcel, 1970, p. 3]. Статья Марселя называлась *Une atteinte au sacré* («Покушение на святыню»), а поводом к ее написанию стало событие, взволновавшее мировую, в том числе французскую, общественность: часовня, построенная Негошем, где он, по его завещанию, был захоронен, разрушенная в годы Первой мировой войны и затем восстановленная, в годы правления Иосипа Броз Тито была вновь разрушена, какой остается до настоящего времени.

Научная новизна нашего исследования заключается в том, что в нем впервые проводится компаративно-аксиологический анализ природы в творчестве русского и сербского писателей в контексте русского пути и Косовского завета.

Основная часть

Как Ф. М. Достоевский для русского, так и П. П. Негош для сербского народа является одним из выдающихся религиозных мыслителей. Оба автора в своих художественных произведениях затрагивают и в большей степени раскрывают специфику уникальности русского и сербского культурного кода. Таким образом, основную тему исследования можно соотнести с мыслью Н. Бердяева, который начинает свою статью «Воля к жизни и воля к культуре» словами: «В нашу эпоху нет более острой темы и для познания, и для жизни, чем тема о культуре и цивилизации, о их различии и взаимоотношении» [Бердяев, 1990, с. 162]. По мысли русского философа А. Гулыги, русская идея приобрела особую актуальность после распада СССР: «Русская идея актуальна сегодня как никогда, ведь человечество (а не только Россия) подошло к краю бездны. <...> Русская идея — это составная общечеловеческой христианской идеи» [Гулыга, 2003, с. 33].

Вера в спасение, свободу и правду на протяжении всей истории не покидала ни русский, ни сербский народы. П. П. Негош возвышает черногорскую землю до космических высот, отмечая ее особую роль в Косовском завете. Писатель любил свою родину, писал на сербском языке, и мы разделяем точку зрения И. Секулич: «Если земля самобытна, она сама определяет, что на ней будет основано, какие люди на ней будут жить. Более самобытной земли, чем черногорской, для нашего [сербского] народа нет» [Секулич, 1951, с. 15].

Неслучайно Н. Велимирович в труде «Религия Негоша» указывает, что историческая роль Черногории ярко высвечивается только с Косовской битвы: именно здесь начало ее героизма, создание ее евангельского образа. Для того, чтобы охарактеризовать концепт «Косовский завет»,

легший в основу нашего исследования, дадим краткую семантическую характеристику топонимам «Косово» (с серб. ‘земля черного дрозда’) и «Метохия» (с греч. ‘монастырская или церковная земля’). Название «Метохия» сформировалось благодаря наличию на данной территории большого количества сербских монастырей, впоследствии вся область стала называться Метохией, то есть церковной землей. В сербской религиозной философии и литературоведении к топонимам «Косово» и «Метохия» после Косовской битвы стало принято добавлять эпитеты «сербский Иерусалим», «сербская Голгофа», что объясняется христоподобным определением в сербской истории образа царя Лазаря за его мученическую смерть во благо сербского государства и будущих поколений. Только исходя из приведенных фактов можно сделать вывод, что косовская земля для сербского народа сакральна.

Для П. П. Негоша Косово и Метохия представляют собой сербский Иерусалим, подобно Христовой Голгофе. В сербской культуре концепт «Косовский завет» сформирован на истоках реальных событий — «сербской Голгофе» (Косовская битва), предпочтении небесного царства земному. Подобного масштаба мифологизации исторического события и его отражения в культуре, литературе и жизни русского народа мы не находим. Однако, принимая во внимание почвеннические взгляды Достоевского, обнаруживаем тесную связь между русским путем и Косовским заветом: русский путь в понимании Достоевского есть неколебимое следование евангельским законам. Неслучайно роман «Братья Карамазовы» открывается эпиграфом из Евангелия от Иоанна о пшеничном зерне, которое, упав в землю, возрождается (на надгробии писателя высечены те же слова). Глубоко символический эпиграф стал не только ключом к художественному толкованию романа, но и неотъемлемой частью самого его текста: «Из притчи о семени, как из зерна, вырастает сюжет романа» [Криницын, 1993, с. 53].

Образный мир христианства обогатил мифологему «зерно» новыми глубокими смыслами, главными из которых явились жертвенность, деятельная любовь: «Так конкретный мифологический образ становится христианским символом» [Бондаревская, 2006, с. 81]. А. Б. Криницын объясняет смысл близких понятий «зерно» и «почва» в мировоззрении Достоевского: «Каждую человеческую душу... писатель мыслит, как почву, на которой должно прорасти упавшее туда зерно — слово Божие» [Криницын, 1993, с. 53].

Негош создавал «Луч микрокосма» в течение сорока дней Великого поста, из чего следует, что, подобно Моисею, он сорок дней пребывал в одиночестве и безмолвии, никого не допуская к себе: не без причины митрополит черногорский Амфилохий называет автора поэмы одним из боговидцев, подобных Моисею [Радовић, 2014, с. 9]. Гора Ловчен (серб. Ловћен), на которой безмолвствует Негош, идентична горе Синай, поэтому великого сербского мыслителя и поэта с полным правом называют пустынноиком.

В системе ценностей Достоевского и Негоша природа определяется как божественная, но важно отметить при этом, что с Богом она не отождествляется. В романе «Братья Карамазовы» литературный герой не просто взаимодействует с природой, но ощущает свою генетическую связь с землей — подобное отношение к родной почве характерно для славянских народов. К. А. Баршт анализирует генезис и внутреннюю структуру понятия «почва» у Достоевского, рассматривая почвенничество и его идеи (вслед за С. Г. Семеновой, А. Г. Гачевой и др.) как один из изводов (с углубленным морально-нравственным содержанием) русского космизма. «Почву» Достоевский понимает в широком смысле: это сама «живая жизнь» [Достоевский, 1974, т. 10, с. 25]: к такому пониманию писатель приходит на своем опыте «взаимодействия с реальностью с помощью непосредственного религиозного чувства» [Баршт, 2022, с. 11]. «Без почвы ничего не вырастет и никакого плода не будет. <...> Без крепкой почвы под ногами и движение вперед невозможно...» [Достоевский, 1979, т. 19, с. 148].

В самих образах любимых персонажей писателя (в «Братьях Карамазовых» это Алеша и старец Зосима) прослеживается идея почвенничества. Д. А. Богач справедливо отмечает: «Достоевский “обоготворяет” и возвышает до духовной потребности у персонажей, как правильно возродиться к новой жизни. Так, Алеша Карамазов припадает к земле с целью преодоления утраты смысла жизни, обретения второго рождения, новой цели в жизни» [Богач, 2017, с. 75]. Обратимся в этой связи к поучению старца Зосимы (прототипом которого послужил оптинский старец Амвросий, с которым Достоевский встречался и беседовал во время посещения (вместе с Вл. Соловьевым) Оптиной пустыни 23–29 июня 1878 года): «Люби повергаться на землю и лобызать ее. Землю целуй и неустанно, ненасытимо люби, всех люби, все люби, ищи восторга и исступления сего. Омочи зем-

лю слезами радости твоя и люби сии слезы твои» [Достоевский, 1976, т. 14, с. 292]. Вместе с тем обратим внимание и на такой примечательный эпизод: в последний день своей жизни Зосима не преклоняется перед иконой, но, улыбнувшись всем тем, кто в тот момент встал со своих мест, падает к земле: «Он тихо опустился с кресел на пол и стал на колени, затем склонился лицом ниц к земле, распростер свои руки и, как бы в радостном восторге, целуя землю и молясь (как сам учил), тихо и радостно отдал душу Богу» [Там же, с. 294].

Писатель наделяет старца Зосиму своими личными впечатлениями, которые когда-то он, восьми лет от роду, испытал при посещении храма вместе со своей матушкой, а также передает то чувство, с каким он впервые открыл для себя Библию. Обратим внимание: здесь в описании Достоевского присутствует мотив солнечных лучей; он повторится затем при описании эпизода, запавшего в душу Алеши. Зосима всю свою жизнь помнит, как «возносился из кадила фимиам и тихо восходил вверх, а сверху в куполе, в узенькое окошечко, так и льются на нас в церковь Божьи лучи и, восходя к ним волнами, как бы таял в них фимиам» [Достоевский, 1976, т. 14, с. 264].

Неслучайно первую главу своей книги «“Кто-то посетил мою душу...”: духовный путь Ф. М. Достоевского» шведский славист Ян Эрикссон назвал «Лампада пред иконой» (с горящей лампадой связаны первые детские воспоминания будущего писателя, когда он молился перед образом со своей няней Аленой Фроловной), а в предисловии к изданию на русском языке признался: «Моя профессия — теолог. Однако ни один теолог не сумел раскрыть для меня тайну *Человека* так, как сумел это сделать Ф. М. Достоевский» (курсив оригинала. — В. Г.) [Эрикссон, 2010, с. 11].

Природа в «Братьях Карамазовых» предстает как божественное творение — посредством ее человек «соприкасается» с Божьей благодатью. Именно слияние с природой воспитало в Алеше его нравственную позицию и сформировало его как «раннего человеколюбца», как определяет Достоевский своего героя [Достоевский, 1976, т. 14, с. 17]. В своих произведениях Достоевский и П. П. Негош используют понятие «луч» для описания божественной составляющей природы. Самое яркое детское воспоминание Алеши связано с иступленной молитвой матери за него однажды «летним, тихим» вечером перед образом Богородицы, «в косых лучах заходящего солнца», и писатель подчеркивает: «Косые-то лучи и запомнились больше всего» [Там же, с. 18].

Проведем многозначную, на наш взгляд, аналогию «Братьев Карамазовых» с сербской поэмой «Луч микрокосма», созданной Негошем в первые четыре недели Великого поста в 1845 года. Ее оригинальная рукопись была утрачена, и до наших дней дошло лишь первое издание, подготовленное С. Милутиновичем, учителем великого поэта.

Поэма, как и само творчество Негоша, связана с платоническо-христианской религиозной символикой, которую подробнее всего исследовал в своих трудах современный сербский философ и мыслитель Ж. Видович. Для восприятия поэмы «Луч микрокосма» читателю необходимо понимание метафор, символов, эпитетов именно в том значении, как их воспринимал автор. При этом специально укажем: в XIX веке многим исследователям представлялось, что религиозный эпос полностью исчез.

Говоря о литературно-исторической современности и жанрово-поэтическом своеобразии, мы, разделяя мнение А. Шмауса, отметим: «Поэма находится вне рамок своей эпохи, потому что Негош, как и Данте, сделал интересную попытку увековечить свое религиозное мышление одним поэтическим произведением» [Ломпар, 2013, с. 327].

Поскольку современный русский читатель, вероятно, не знаком с поэмой, приведем ее краткое содержание. В первой и второй главах «Луча микрокосма» описывается восхождение искры (или луча) к небесам, а после этого изображается Небесная литургия, благодаря которой создается бытие и одновременно прославляется сотворение мира. Поэта сопровождает ангел, который открывает красоты рая и страшные эпизоды человеческого падения. В третьей главе представлены беседа Бога с ангелами и намерение сатаны взбунтоваться. В четвертой главе архангелы Михаил и Гавриил призывают сатану к покаянию:

Тьму исторгни из ума слепого,
Злую зависть из души ты выбрось!
Многомилостив благой Отец наш,
Он тебе простит все заблужденья,
В вечное вернет все заблужденья,
В вечное вернет твое блаженство.

[Негош, 2016, с. 36]

В пятой главе изображена битва между двумя войсками — ангелов, сторонников Бога, и сатаны. Глава заканчивается победой Божьих ангелов и изгнанием сатаны. В последней главе описаны мучения первых людей, грех братоубийства, но «окованность человеческой души» озаряется надеждой, Светлым Христовым Воскресением.

Вспомним, что представитель русского космизма Вл. Соловьев в работе «Три речи в память Достоевского» указывает, что в жизнь народа и государства необходимо ввести принцип Церкви как живого воплощения Царствия Божия, чтобы перестроить и переродить их изнутри. В статье русского философа Н. Бердяева «Основная идея Вл. Соловьева» по этому поводу отмечено: «Церковь не есть только богочеловеческая основа спасения для отдельных людей, но и богочеловеческое домостроительство оу'кованица для спасения всего мира» [Бердяев, 2002, с. 691].

Молодой П. Петрович, ставший впоследствии архимандритом, определяет не только свою личную судьбу, но также выполняет миссию династии Петровичей: он должен подтвердить миссию сербской династии перед Синодом Российской империи, будучи церковным и светским правителем сербов в Черногории, для поддержания связей русского и сербского народа. Епископская хиротония П. П. Негоша произошла, согласно житию, написанному преподобным Иустином (Поповичем), «во время великого обновления православия в Российской империи благодаря монаху, св. Никодиму Святогорцу, который перевел сборник византийских текстов “Филокалия” (“Добротолубие”) на русский язык» [Иустин, 2007, с. 325].

П. П. Негош был знаком с главной, литургической идеей сборника «Добротолубие», и она не могла не отразиться в его религиозно-философской поэме. Именно поэма «Луч микрокосма» для сербов является литургической поэмой, а литургия — сокращенной Библией и единственной истиной о человеке [Бећковић, 2018, с. 25]. Однако различные беды и слабая воля не позволяют человеку подняться с земли — об этом говорил Достоевский словами старца Зосимы: «Силен грех, сильно несчастье, сильна среда скверная. А мы одиноки и бессильны, затрет нас скверная среда и не даст совершиться благому деланию. Бегите, дети, сего уныния!» [Достоевский, 1976, т. 14, с. 290].

Поэма «Луч микрокосма» преисполнена описаниями стремлений человеческой души достичь блаженных высот, которых она столь сильно жаждет, и поэтому душа омрачена грустью. Эти страдания выражаются в «Посвящении» поэмы:

Каждый смертный, на земле рожденный,
Собственной обителью владеет —
Храмом человеческого сердца,
Здесь под источенной страстями крышей,
Муки сразу всех времен гнездятся.

[Негош, 2016, с. 7]

Исследователи творчества Негоша сходятся в том, что для поэта основным творческим элементом является «искра», которая также может называться «лучом», «мыслящим атомом»: «Искра есть самый “негошевский” термин, основное понятие его поэтически-мифической системы, монада его поэзии» [Деретић, 1969, с. 7]. «Искра» в философской системе Негоша содержит в себе все качества высших миров. В отличие от статичного небесного пространства Данте Алигьери («Божественная комедия»), у Негоша оно не статично:

Небосклон, какой я мог увидеть,
светлыми мирами был наполнен,
озарен вращающимся шаром,
от которого лучи бессмертья
во все стороны лились реками.

[Негош, 2016, с. 35]

В своей литургической поэме Негош описывает блуждание человека на земле, в которой природа без Божественного промысла является лишь «мрачным жилищем»:

Вовсе нелегко в полет пускаться
На ладье с распятыми крылами
Без вожатого и без кормила
В океан бескрайний и воздушный,

Где и солнца — только капли света,
И миров едва заметны искры,
Где бушуют, свирепеют ветры,
Смертного глазам не дав открыться,
Гонят его в мрачное жилище,
Богу лишь его известна участь.

[Негош, 2016, с. 11]

Для сравнения обратимся к фрагменту из романа «Братья Карамазовы», в котором вместо «едва заметных искр» Негоша Достоевский раскрывает сокровенное ощущение живой связи с иным миром: «Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим <...> Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад свой, и возшло все, что могло взойти, но возвращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным мирам иным...» [Достоевский, 1976, т. 14, с. 292].

К действующему, творящему закону природы сербский автор неоднократно возвращается не только в литургической поэме «Луч микрокосма», но и в своих ранних стихотворениях, а также в «Горнем венце» посредством слов игумена Стефана:

Всем оружие дает природа
против необузданной злой силы,
всяческой нужды и недостатка.
защищают остья хлебный колос,
розу же — шипы, чтоб не сорвали,
множество клыков, рогов к ударам
так отточены, даны недаром панцирь,
ноги быстрые и крылья.

[Негош, 2007]

Приведенный фрагмент позволяет прийти к выводу, что природа в мировоззренческой системе Негоша «вооружена», то есть находится в постоянной борьбе, в движении и контрастах. Неслучайно в труде Н. Велимировича «Религия Негошева» отмечается, что природа никого не допускает на поле «жизненной битвы» «невооруженным». Нельзя не упомянуть, что мир природы, несмотря на свою прекрасную сторону (красоту), негармоничен и, как сказано Негошем в «Горнем венце», «составлен весь из адских распрей» [Негош, 2007].

Как известно, Достоевского волновала проблема вечной борьбы добра и зла, Бога и дьявола, а полем битвы, по словам писателя, является человеческое сердце (известные слова Дмитрия Карамазова, произнесенные в беседе с младшим братом Алешей — мотивом природы высвечивается и его сложный образ). Отсылка к космической стороне христианства соответствует взглядам П. А. Флоренского, связанным с идеей устранения конфликта человека и мира. Идеи русского философа схожи с идеями Ж. Видовича, который преодоление указанного конфликта видит исключительно в спасении через Христа. В картинах природы, присутствующих и в романе «Братья Карамазовы», и в поэме «Луч микрокосма» лаконично слиты земное и космическое, которые являются неповторимыми и красочными явлениями. С ними, как было рассмотрено выше, неотъемлемо связан человек и человечество.

Заключение

В романе «Братья Карамазовы» и в поэме «Луч микрокосма» прослеживается неразрывная связь природы и человека, которая заключается в духовном пробуждении и возрождении последнего. Достоевский в основу идеи почвенничества заложил мысль о необходимости естественной связи человека со Вселенной, но при этом с обязательным наличием в таком синтезе морально-нравственных норм. Таким образом, почву русского человека следует искать не извне, а только внутри самобытной человеческой сущности. Природа воплощает одну из форм познания мира в творческом наследии Достоевского и Негоша и действительно становится ценностью, приобретая значение не второстепенной, но первостепенной философской функции.

В заключение обратимся к мысли преподобного Иустина (Поповича), который, анализируя последний роман Достоевского, указывает: «Когда человек христоликими добродетелями возрастит свою душу, тогда он всю тварь чувствует как органическую часть своего существа; в его душу сходятся души всех тварей, в его сердце вплетаются нервы всех тварей, и его личность расширяется до бесконечности и живет многообразной жизнью всех тварей» [Иустин, 2007, с. 238]. Так, пейзаж в обоих произведениях как русского, так и сербского писателя служит средством приобщения персонажей к благодати Божией. Природа в рассмотренных художественных текстах, являясь особым способом художественного осмысления реальности, выполняет сакральную функцию, а ее эстетика обусловлена христоцентричным, новозаветным представлением о природе как божественном творении.

Список источников

1. Баршт К. А. О концепте *почва* в трудах старших славянофилов и в творчестве Ф. М. Достоевского 1860–1870-х гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2022. — Т. 19, вып. 1. — С. 4–28.
2. Бердяев Н. Смысл истории. — М. : Мысль, 1990. — 162 с.
3. Бердяев Н. А. Основная идея Вл. Соловьева // Вл. Соловьев: Pro et contra. — СПб., 2002. — Т. 2. — С. 688–694
4. Богач Д. А. Аксиология природы в мировоззренческом и творческом опыте Ф. М. Достоевского : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. — Челябинск, 2017. — 196 с.
5. Бондаревская О. А. Эпиграф как ключ к художественному толкованию романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вестник Томского государственного университета. Гуманитарные науки, филология. — 2007. — Вып. 4 (48). — С. 80–83.
6. Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы. — М. : Эксмо, 2003. — 447 с.
7. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / отв. ред. В. Г. Базанов. — Л. : Наука, 1972–1990. — Т. 10. — 519 с. ; Т. 14. — 511 с. ; Т. 19. — 359 с.
8. Дурьлин С. Пейзаж в произведениях Достоевского // Достоевский и мировая культура : альм. / гл. ред. К. А. Степанян. — М. : РГАЛИ, 2009. — № 25. — С. 473–508. URL : dostoevskiy_i_mirovaya_kul_tura_al_manakh_25.pdf (дата обращения: 25.10.2023).
9. Иустин (Попович), преп. Философия и религия Ф. М. Достоевского. — М. : Изд-во Д.В. Харченко, 2007. — 312 с.
10. Касаткина Т. А. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». — М. : ИМЛИ РАН, 2004. — 480 с.
11. Криницын А. Б. О Евангельском эпиграфе к роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Православная беседа. — 1993. — № 5–6. — С. 53–59.
12. Накамура К. Чувство жизни и смерти у Достоевского. — СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 1997. — 331 с.
13. Негош П. П. Горный венец. — 2007. — URL : https://www.montenegrina.net/pages/pages_ru/knjizevnost/gorski_vijenac.html (дата обращения: 09.10.2023).
14. Негош П. П. Луч микрокосма : поэма / пер. с серб. О. Б. Мраморнова. — М. : Спасское дело, 2016. — 232 с.
15. Омацу Р. Люди и животные в произведениях Ф. М. Достоевского: критика антропоцентризма Достоевского по отношению к природному миру // Достоевский и современность : материалы XX Международ. старорус. чт. 2005 г. — В. Новгород : Новгородск. гос. объедин. музей-заповедник, 2006. — С. 288–292.
16. Семенова С. Г. Природа в творчестве Достоевского // Достоевский и современность : сб. науч. тр. — В. Новгород, 1988. — С. 96–97.
17. Созина Т. Н. Пейзаж как функциональное проявление трогательного в романной поэтике Достоевского // Литература в контексте современности : сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. — Челябинск : Энцикл., 2011. — С. 54–57.
18. Чжан Б. Одухотворенный пейзаж в раскрытии духовных исканий героев романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Достоевский и современность : материалы XXI Междунар. старорус. чт. 2006 г. — В. Новгород : Новгородск. гос. объедин. музей-заповедник, 2007. — С. 54–59.
19. Эриксон Я. «Кто-то посетил мою душу...»: духовный путь Ф. М. Достоевского / пер. со швед. Л. П. Олдыревой-Густафссон. — Екатеринбург : Изд-во Уральск. гос. ун-та, 2010. — 215 с.
20. Бећковић М. Свети Петар II Петровић Његош Пустињак Цетињски // Његошев зборник Матице српске 3. — 2018. — С. 23–28.

21. Деретић Ј. Композиција Горског вијенца. — Београд : Завод за издавање уџбеника Социјалистичке републике Србије, 1969. — 197 с.
22. Ломпар М. Књига о Његошу. — Београд : Српска књижевна задруга, 2013. — 481 с.
23. Marcel Gabriel. Une atteinte au sacré // *Le Figaro*. — 1970, 12 juin. — P. 3.
24. Радовић А. Божанско откривење као унутарња мелодија Његошевог дјела // Од косовског завета до Његошевог макроkozма. — 2014. — С. 3–9.
25. Секулић И. Његошу књига дубоке оданости. — Београд : Српска књижевна задруга, 1951. — 394 с.

References

1. Barsht K. A. About the concept of soil in the works of senior Slavophiles and in the works of F. M. Dostoevsky in the 1860–1870s. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature]. 2022, vol. 19, iss. 1, pp. 4–28. (In Russian).
2. Berdyayev N. *Smysl istorii* [The meaning of history]. Moscow, Mysl Publ., 1990, 162 p. (In Russian).
3. Berdyayev N. A. The main idea of Vl. Solovyov. *Vl. Solovyev: Pro et contra* [Vl. Solovyov: Pro et contra]. St. Petersburg, 2002, vol. 2, pp. 688–694. (In Russian).
4. Bogach D. A. *Aksiologiya prirody v mirovozzrencheskom i tvorcheskome opyte F. M. Dostoyevskogo* [Axiology of nature in the ideological and creative experience of F. M. Dostoevsky]. Dissertation of candidate of Philology: 10.01.01. Chelyabinsk, 2017, 196 p. (In Russian).
5. Bondarevskaya O. A. Th epigraph as the key to the artistic interpretation of F. M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki, filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Humanities, philology]. 2007, iss. 4 (48), pp. 80–83. (In Russian).
6. Gulyga A. V. *Russkaya ideya i yeye tvortsy* [The Russian idea and its creators]. Moscow, Eksmo Publ., 2003, 447 p. (In Russian).
7. Dostoevsky F. M. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols.]. Ed. by V. G. Bazanov. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990, vol. 10, 519 p.; vol. 14, 511 p.; vol. 19, 359 p. (In Russian).
8. Durylin S. Landscape in the works of Dostoevsky. *Dostoyevskiy i mirovaya kultura: alm.* [Dostoevsky and world culture: almanac]. Ed. by K. A. Stepanyan. Moscow, RGALI Publ., 2009, iss. 25, pp. 473–508. Available at: [dostoyevskiy_i_mirovaya_kul_tura_al_manakh_25.pdf](#) (accessed: 25.10.2023). (In Russian).
9. Justin (Popovich), Rev. *Filosofiya i religiya F. M. Dostoyevskogo* [Philosophy and religion of F. M. Dostoevsky]. Moscow, D. V. Kharchenko Publ., 2007, 312 p. (In Russian).
10. Kasatkina T. A. *O tvoryashchey prirode slova. Ontologichnost slova v tvorchestve F. M. Dostoyevskogo kak osnova "realizma v vysshem smysle"* [About the creative nature of the word. The ontology of the word in the works of F. M. Dostoevsky as the basis of "realism in the highest sense"]. Moscow, IMLI RAS Publ., 2004, 480 p. (In Russian).
11. Krinitsyn A. B. About the Gospel epigraph to F. M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov". *Pravoslavnaya beseda*. [Orthodox discourse]. 1993, iss. 5–6, pp. 53–59. (In Russian).
12. Nakamura K. *Chuvstvo zhizni i smerti u Dostoyevskogo* [Dostoevsky's sense of life and death]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1997, 331 p. (In Russian).
13. Njegos P. P. *Gornyy venets* [Mountain Crown]. 2007. Available at: https://www.montenegrina.net/pages/pages_ru/knjizevnost/gorski_vijenac.html (accessed: 09.10.2023). (In Russian).
14. Njegos P. P. *Luch mikrokozma: poema* [The Ray of the Microcosm: poem]. Transl. from Serbian by O. B. Mramornov. Moscow, Spasskoye Delo Publ., 2016, 232 p. (In Russian).
15. Omatsu R. People and animals in the works of F. M. Dostoevsky: criticism of Dostoevsky's anthropocentrism in relation to the world of nature. *Dostoyevskiy i sovremennost: materialy XX Mezhdunar. starorus. cht. 2005 g.* [Dostoevsky and modernity: materials of the XX International Old Russian Readings]. 2005, Veliky Novgorod, Novgorod State Museum-Reserve Publ., 2006, pp. 288–292. (In Russian).
16. Semenova S. G. Nature in the works of Dostoevsky. *Dostoyevskiy i sovremennost: sb. nauch. tr.* [Dostoevsky and modernity: collection of research articles]. Veliky Novgorod, 1988, pp. 96–97. (In Russian).
17. Sozina T. N. Landscape as a functional manifestation of "the touching" in poetics of Dostoevsky's novel. *Literatura v kontekste sovremennosti: sb. materialov V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Literature in the context of modernity: collection of materials of the V International scientific-practical conference]. Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ., 2011, pp. 54–57. (In Russian).
18. Zhang B. Spiritualized landscape in revealing the spiritual quest of the heroes of F. M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov". *Dostoyevskiy i sovremennost: materialy KHKHI Mezhdunar. starorus. cht. 2006 g.* [Dostoevsky and modernity: materials of the XXI International Old Russian Readings]. 2006. Veliky Novgorod, Novgorod State Museum-Reserve Publ., 2007, pp. 54–59. (In Russian).

19. Erikson Y. “*Kto-to posetil moyu dushu...*”: *dukhovnyy put F. M. Dostoyevskogo* [“Someone visited my soul...”: the spiritual path of F. M. Dostoevsky]. Transl. from Swedish by L. P. Oldyrevoy-Gustafsson. Yekaterinburg, Ural State University Publ., 2010, 215 p. (In Russian).
20. Beković M. *Sveti Petar II Petrović Njegoš Pustinja Cetinjski. Njegoshov sbornik Matice srpske* [Njegoš collection Matice Srpske]. 2018, 3, pp. 23–28. (In Serbian).
21. Deretić J. *Kompositsiya gorskogo vyentsa* [Compositions of Mountain Vienna Native]. Beograd, Textbook Publ. of Socialist Republic of Serbia, 1969, 197 p. (In Serbian).
22. Lompar M. *Kniga o Njegoshu* [Book about Njegoš]. Beograd, Srpska kizhevna zadruga, 2013, 481 p. (In Serbian).
23. Marcel Gabriel. Une atteinte au sacré [An attack on the sacred.]. *Le Figaro*. 1970, June, 12, p. 3. (In French).
24. Radović A. Divine revelation as the inner melody of Njegoš’s work. *Od kosovskog zaveta do Njegoševog makrokozma* [From Kosovo Testament to Njegoš’s macrocosm]. 2014, pp. 3–9. (In Serbian).
25. Sekulić I. *Njegošu knjiga duboke odanosti* [Njegoš’s book of deep devotion]. Beograd, Srpska kizhevna zadruga, 1951, 394 p. (In Serbian).

Информация об авторе

Гаврич Вукашин — аспирант кафедры мировой литературы Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина.

Сфера научных интересов: культурно-литературные связи Сербии и России, творчество Ф. М. Достоевского, творчество П. П. Негоша.

Information about the author

Gavrich Vukashin — graduate student of the Department of World Literature at the State Institute of Russian Language named after A. S. Pushkin.

Research interests: cultural and literary connections between Serbia and Russia, the work of F. M. Dostoevsky, the work of P. P. Njegoš.

Статья поступила в редакцию 13.01.2024; принята к публикации 15.01.2024.

The article was submitted 13.01.2024; accepted for publication 15.01.2024.